

Кризис понимания России

В.А. Тишков

Социальные катаклизмы потрясают государства чаще всего во времена глубоких перемен в жизни людей, политического раскола элит в борьбе за ресурсы, а также идеологической сумятицы среди интеллектуалов. Все эти три фактора между собой связаны, хотя действуют по-разному. Но главное – это отсутствие того, что можно назвать *базовым согласием по поводу основных вещей*: каковы предназначение человека и его устремления, что есть страна и ее народ, какова наша жизнь и место страны в мире, что значит быть ответственным гражданином.

Если нет базового консенсуса хотя бы среди наиболее активных и управляющих слоев общества, тогда нет и самого общества, а есть только метафора «народа», от имени которого манипулируют активисты социального пространства. Вот тогда по незначительным причинам происходят значительные катаклизмы со столь же значительными последствиями. И лишь позже историки политики находят исторические закономерности и объяснительные модели. Как, например, в случае с «распадом последней империи» для объяснения дезинтеграции СССР. Если завтра распадутся Китай или Индия по схожим причинам этнорегионального сепаратизма и раскола элит, эти ныне считающиеся легитимными государства-нации также могут оказаться в категории «последних многонациональных империй».

Как это бывает в периоды общественных трансформаций с новообращенными управленческими и экспертными элитами и в ситуациях с новыми геополитическими соперничествами, положение в России с самопониманием сложилось драматическое. Наиболее распространенное представление о России построено на отрицании страны как некоей аномалии, на мифах и на вымыслах об условиях жизни людей. От президентских советников и политических оппозиционеров до ведущих обозревателей и ученых (включая отечественные и зарубежные мировые авторитеты в лице нобелевских лауреатов) – почти все разделяют представление о крахе благополучной страны

Валерий Александрович Тишков — член-корреспондент РАН, директор Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая

в результате неудачных реформ, об ухудшении жизни людей в последние 10–15 лет, о криминальном государстве и о «самой развитой из неразвитых» стран, как определил Россию автор одного из общественно-политических еженедельников (Политический журнал. 2005. № 1. 17 янв. С. 40).

Псевдожурналисты относительно России типа Стивена Коэна полагают, что Запад «крестовым походом» гарвардских советников намеренно уничтожил Россию и довел ее до краха. Плохо знающая внешний мир, а тем более Россию госпожа Тэтчер заявляет, что Россия больна и в настоящее время, «без преувеличения, умирает». В подтверждение своих взглядов отрицатели России часто ссылаются друг на друга. Так, мнение Тэтчер используется уже «народным министром в теневом кабинете» акад. Нигматулиным для обоснования своего утверждения, что «Россия в 2004 г. продолжала разрушаться» (Известия. 2005. 14 февр.). Для подтверждения версии о демографической катастрофе и нищей стране российские эксперты и политики ссылаются на заключения ООН или Всемирного банка, а те в свою очередь строят свои подсчеты на российских данных, в том числе на куцей официальной статистике и на писаниях отечественных алармистов.

Как бы это не звучало парадоксально, но одной из причин кризиса государств может быть неспособность общества понять само себя. Эта неспособность обусловлена в значительной мере провалом обществоведческой экспертизы, на основе которой строится образ страны, ее управление, выводами которой питается медийное пространство и которые вместе обучают народ, «как сводить концы с концами» (один из примеров опросной провокации ВЦИОМа). Не удивительно, что люди в стране воспринимают условия собственной жизни гораздо позитивнее, чем ситуацию в стране в целом. Последняя оценивается многочисленными внутренними и внешними обозревателями как «больше, чем тупик» (оценка Н.М. Римашевской). Именно по этой причине мы считаем, что *трудное осознание позитивных перемен ведет к саморазрушительному кризису в самый благополучный период в истории страны и преодоление кризиса понимания – самая важная задача науки и общества.*

Образ страны и национальная идентичность

Собирательные образы страны и народа имеют огромное значение в структуре национальной идентичности граждан, а также и для внешних восприятий. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем сами о себе, так думает о нас и остальной мир. Хотя может быть и наоборот: как внешний мир по тем или иным историческим, геополитическим и культурным причинам конструирует и насаждает образ той или иной страны, так и сама эта страна начинает жить в соответствии с навязанным образом. Но чаще всего наблюдаются оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в итоге чего и складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, тот или иной народ имеет позитивный самообраз и не ставит себя

ниже соседей и представителей других регионов. Все страны стремятся создать собственный позитивный образ. Он необходим для нормального социально-психологического самочувствия людей, для обеспечения лояльности и сплоченности населения, для благоприятных внешних контактов и для привлечения в страну капиталов и туристов. Если у большинства населения нет схожего и позитивного представления о стране и государстве, тогда нет и этого государства. *Национальная идентичность есть общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним.* Она не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его.

Это совсем не означает, что граждане поголовно должны «любить Родину», «служить народу», выполнять еще какую-либо коллективистскую миссию. Любой человек на Земле, в том числе и россиянин, пришел в этот мир прежде всего чтобы исполнить собственную социальную миссию – благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Этические и мессианистские установки (служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться, нести добро, помогать людям и подобные установки) – это скорее для политиков, чтобы собрать людей на митинг или на выборы; для религиозных проповедников, чтобы помочь людям в ситуациях перед лицом вечных вопросов ценности жизни и смерти; для воспитателей, чтобы здоровый эгоизм и личное преуспевание не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина. Те, кто пишет в научных трудах или взывает на митингах, что «человек рожден не для себя, а для нации», и в этом видят национальную идею России, сами ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные спецметодами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или «чистить Россию» от чужаков, или стать «живыми бомбами».

Без позитивного образа страны и признания необходимости порядка ни одно правление невозможно. Порядок первичен по отношению к форме, в которой он осуществляется. То есть сначала нужно установить и признать порядок в лице государства (других более универсальных и эффективных механизмов обеспечения порядка среди людских сообществ пока не придумано). Затем общество, прежде всего в лице интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому принадлежит это государство. Таковым может быть согражданство, территориальное сообщество, т.е. *демос*, а не этническая группа, которую в российской науке называют интригующим словом *этнос*, имея в виду некое коллективное тело и даже социально-биологический организм. Из советской идеологии и науки пришли к нам эти представления, которые, к сожалению, не исчезли вместе с другими ложными конструкциями.

О российском народе и его отрицателях

В отличие от повседневных проявлений общности в профессиональных, семейных и местных коллективах, элитные элементы (политики, ученые, журналисты, деятели культуры) сторонятся представления о российском народе как гражданской, исторической и социально-культурной общности. Отчасти, возможно, сказывается испуг от быстрого политического распада советского народа, который ныне многим кажется вредным советским мифом. Но это напрасные страхи. Население нашей страны обладает высокой степенью единства в смысле общих ценностей, культурной гомогенности, межэтнического и религиозного взаимодействия, которым могли бы позавидовать многие крупные государства, утверждающие с разной долей успеха идею единой нации среди своего населения. Причем, население этих стран, в отличие от России, не может разговаривать между собой на одном языке, и его части воюют друг с другом десятилетиями. Достаточно назвать Индию, Испанию, Китай, Индонезию, Мексику, Нигерию, ЮАР и десятки других стран, где этнического и языкового единства нет, а концепция единой нации есть и реально сплачивает страну.

В России, наоборот, *есть реальное единство при сохранении этнокультурного разнообразия среди россиян, но нет представления о едином народе, его национальных интересах и национальной культуре*. У нас «национальные интересы народа» – это партикулярные запросы граждан татарского, осетинского, кабардинского, якутского, бурятского и иного этнического происхождения. «Национальная культура», «национальное образование» в России – это не российская культура и образование, а аварские, даргинские, марийские, мордовские и прочие культуры и школы. А далее сразу следует «выход в мировую культуру», как бы минуя российскую. Идеологи этнонационализма проводят линию, что татарский, башкирский, марийский, мордовский и другие культурные компоненты – не часть российского культурного арсенала, а часть полумифических и политизированных «тюркского мира», «финно-угорского мира» и прочих «татарских миров».

Получается парадокс: люди живут веками в России бок о бок с русскими, украинцами, немцами, коми и прочими, работают вместе, женятся и воспитывают детей, общаются между собой на одном языке, а ученые и политики убеждают их в каких-то других мирах помимо «российского мира» – действительно древнего, реального, повседневного, жизненно важного для каждого. Следом за националистической идеологией и паранаучными писаниями принимаются государственные программы поддержки россиян, родные языки которых лингвисты поместили в одну языковую семью, например, финно-угорскую. А уже за ними следом, только с противоположным смыслом, эстонские политики вносят в ПАСЕ проект резолюции о нарушении прав финно-угорских народов в России. Обе эти *позиции спонсирования этнического партикуляризма есть, по сути, отрицание российского народа, а значит, и России*.

Если бы правящие в республиках нерусские элиты считали себя частью России и частью российского народа, тогда они не встречали бы президента страны лозунгом

«Башкирия и Россия навеки вместе!». Если бы симпатизирующие периферийному этнонационализму внешние противники России признавали ее как народ и как государство, то они не стали бы принимать международную резолюцию под названием «Агрессия России в Чечне». Немыслимы же лозунг «Техас и Америка навеки вместе!» (напомним, что аннексия Техаса произошла в середине XIX в.) или документ под названием «Вторжение США в Калифорнию» (по поводу использования армии США во время беспорядков в Лос-Анджелесе).

Помимо этнонационализма представителей российских меньшинств не менее существенным разрушителем российскости выступает национализм шовинистического толка, для которого «россияне» – некий эвфемизм, а Россия есть потому, что есть русские, хотя в разные исторические времена русскими называли или всех православных, или всех восточных славян (великороссы, малороссы и белорусы). Понятие *русские* обрело узкоэтническое содержание только в период строительства «социалистических наций».

В отношении нашей страны назойливо употребляется множественное число – «народы России». И пока мы не начнем наряду с этим названием утверждать понятие «российский народ» ничего не получится. Не нужно ничего «формировать» и делать из татар или бурят россиян, а тем более русских. Задача ответственных экспертов – терпеливо и настойчиво (пока не дойдет хотя бы до журналистов) объяснять, что *российскость как идентичность и российский народ-нация – не результат внутренней унификации, а естественное наложение на множество внутренних этнокультурных различий, которое существует среди населения страны*. Россияне – это свершившийся факт, и только малая просвещенность, узколобый национализм или политический интерес стоят за утверждением о провале проекта гражданской российской нации.

Итак, отказ в признании России как «нормальной страны» (появившаяся под таким названием статья в журнале «Foreign Office» за апрель 2004 г. была быстро забыта) и сохраняющееся восприятие российского народа исключительно в формуле «многонациональности», а не сложного единства, представляют собой провал отечественной и зарубежной экспертизы. Это есть догматические и националистические заблуждения, намеренно поддерживаемые внешними противниками России. Национальную идентичность россиян нужно утверждать более последовательно, и не только редкими высказываниями президента. Следует прежде всего признать, что национальная идентичность, а значит, российская нация существует, а не есть просто мечта или задача для очередного «строительства». Дальше отрицать и разрушать российскость недопустимо.

Парадигма кризиса как угроза России

За последние 15 лет наша страна, с точки зрения условий жизни людей, пережила самые позитивные перемены в своей истории, с которыми не может сравниться

ни один предшествующий период ее истории. В мире найдется мало других крупных стран, которые отличились столь мощным прорывом в своем развитии. Даже любимое нынешними отрицателями России сравнение с якобы более успешным Китаем представляется сомнительным. Подавляющее большинство населения нашего «великого соседа» продолжает ездить на велосипедах, а детская смертность среди китайцев (один из самых надежных показателей уровня жизни) в 3 раза хуже, чем среди россиян.

Напомним, что по принятым мировым стандартам определения уровня человеческого развития в 2004 г. Россия вместе с Болгарией открывает длинный список стран со средним уровнем развития, а Китай и многие другие страны, «похожие на Россию» (Мексика, Бразилия и др.), значительно отстают от нашей страны. Причем, есть сомнение, что составлявшие Доклад ООН о человеческом развитии за 2004 г. эксперты были точны и не позволили России замкнуть группу из 50 стран с высоким уровнем развития. Они пользовались нашей заниженной статистикой о доходах жителей страны, да и по политическим причинам не могли отвести «бедной» и «криминальной» стране, где якобы потерпела крах модернизация, место среди самых развитых стран мира. Пусть это останется на совести авторов доклада. Но даже при этом Россия занимает 51-е место и входит в так называемый «золотой миллиард», из которого мы сами себя исключили.

Чего нельзя простить, так это замалчивание российским экспертным сообществом вполне достойного международного заключения по поводу уровня развития России. Ибо признание означает крах многочисленных замеров, обследований, опросов, защищенных диссертаций и написанных книг и статей по поводу кризиса и краха России. А уж в журналистских и политических оценках по каким только показателям Россию не ставили на «последнее место в мире»: по темпам вымирания, числу бездомных детей, наркомании, заболеванию туберкулезом, угнетению меньшинств, краху культуры. Последние примеры – это отведенное нам недавно американской организацией «Фридом хаус» место в компании с десятком азиатских и африканских режимов как «несвободных стран» и низведение еще одной американской консалтинговой компанией «Мерсер» Москвы до уровня столиц Того и Йемена по условиям безопасности (фактически по условиям жизни). Оказывается, Нью-Йорк в 3 раза безопаснее Москвы!

Российская «несвободная пресса» сладострастно комментировала эти заключения без всяких возражений, демонстрируя отсутствие того самого базового консенсуса внутри элит страны. Естественно, не пытаются разубедить нас в том, что «мы лежим на дне», и зарубежные ученые-обществоведы. «Если вы сами заявляете, что построили криминальное государство под пиратским флагом (так высказался А.И. Солженицын), то какой нам резон убеждать вас в обратном», – сказал мне как-то американский коллега, занимающийся Россией. Действительно, зачем убеждать в обратном, если «бедные» и «слабые» в лучшем случае могут рассчитывать на сочувствие и помощь, но никак не на уважение их интересов, прав, собственности, мнений, достоинства, достижений?

Лет пять тому назад я гулял по Милану с одним зарубежным россиеведом. Коллега рассуждал о том, что Россия – не европейская страна и таковой по своему развитию и ценностям не будет. Так случилось, что на глаза мне попала афиша с месячным репертуаром театра «Ла Скала». Не менее половины имен на ней были русскими. «Получается, что пользоваться культурным достоянием России можно. И без него нельзя представить культурную Европу, а пускать в свой клуб предпочитаете Турцию», – сказал я. «Ну, Турция – это для Европы демографический насос, поставщик населения и не более, а вымирающая Россия нам зачем?», – был ответ. – У вас скоро вообще половина населения останется, если раньше не перебьете друг друга».

В последнее время эти слова мне все чаще вспоминаются как тревожное предчувствие, что Россия может пойти по второму кругу саморазрушения в один из наиболее удачных периодов своего существования. Возможно ли такое? Да, возможно. Эту грозную возможность я вижу не в выступлениях пенсионеров, быстро привыкших вместе с доброй половиной населения страны к тому, что городской транспорт и электрички должны возить их бесплатно. И не в том, что сытые и наглые думские радетели о «бедных бабушках» объявили голодовку. *Опасность возможного социально-политического краха мне видится в утвердившейся в головах людей парадигме кризиса. Образ кризиса в головах реален и опасен, хотя наша повседневная жизнь совсем не такая.*

Производители и потребители кризиса

Современный человек во многом создает свои представления не из каждодневной личной практики, а из газетно-телевизионной информации, политических призывов активистов, научных и литературных текстов, профессорско-учительских наставлений и даже из слов эстрадной попсы. А здесь на все лады распевается главный мотив про «родину-уродину», про бедность и кризис. В зрелых обществах и в профессиональных экспертных сообществах достаточно хорошо знают про феномен субъективных предписаний, включая так называемую психологическую бедность.

Известно, что многие граждане развитых стран просто обязаны с утра прочитать в «своей газете» прежде всего так называемые «эдиториэлс» (редакционные статьи или статьи-мнения), чтобы «знать, как нужно думать сегодня». Газетные боссы об этом осведомлены и стоят на страже нужной линии. Если время «мочить Россию», то та же «Уолл-стрит джорнел» статью-мнение обязательно отдаст параноикам и русофобам типа американского политолога Бжезинского, французского философа Глюксманна или российского шахматиста Каспарова. Именно их образы «фашиствующего Кремля» в океане бедности и «бунтующих колониальных владений» остается в памяти читателей, т.е. основной массы общества.

Примерно то же самое происходит и в нашей стране, где все население грамотное, смотрит телевизор, читает газеты и по старой привычке верит им еще больше, чем жители западных стран. В России у всех телеведущих и авторов газет стала обя-

зательной присказка: «в наше трудное время». «Ну, разве может так быть, чтобы у вас было хорошо, когда в стране так все плохо?», – отчитал радиослушателя Владимир Соловьев в своих «соловьиных трелях». «У нас, в России, с 1904 года идет столетняя гражданская война», – ставит предновогодний диагноз авторитетный обозреватель Виталий Третьяков. Я уже не говорю о «желтой прессе» и разных «патриотических», «общенациональных народных газетах», где язык саморазрушения и ненависти раскручивается в каждом номере и каждой публикации.

Талантливая и амбициозная, но недостаточно просвещенная и часто граждански безответственная отечественная журналистика представляет из себя те самые «эдиториэлс» – каждая статья и даже новостная заметка содержат выводы-приговоры и не меньше. А уж карауловский жанр отрицания России через сострадание на лжи – это вообще наказ прокурору и призыв к бунту. Действует все это подлинным «рикошетом» (в отличие от собираемых радиопропагандистами звонков радиослушателей) почти безотказно. В дни Беслана подвоживший меня автомобилист злобно сокрушался: «Они там, в Кремле, все изоврались, сколько заложников и то сказать не могут». В автомобиле радио было настроено на «Эхо Москвы», где накануне буквально те же самые слова высказал «персонально для всех» Андрей Черкизов.

Откуда берутся многие факты, представления и оценки среди самих журналистов? Отчасти кризисный дискурс (используемое учеными слово для явного или скрытого диалога влияния) уже сам по себе стал ловушкой, из которого не могут выбраться журналисты, политики и эксперты, если они не хотят «оторваться от масс». «Нет, про то, что жить стало лучше, мы писать никогда не будем. У нас не та аудитория, – сказала мне редактор газеты «Труд», когда несколько лет тому назад я предложил свои статьи по теме российских трансформаций. – Вот Римашевская – это наш автор». Известно, что Н.М. Римашевская, возглавлявшая академический институт народонаселения, все эти годы выступала в числе основных экспертов по демографической катастрофе и обнищанию населения страны. И здесь скрывается одна из тайн производства кризиса, о которой необходимо сказать.

Многие кризисные мифы простой человек, а вместе с ним и журналист (или наоборот), не видит в жизни и не может их увидеть! Он не видит, как «вымирает народ», ибо в его доме и городе продолжают жить люди, в школах классов становится не меньше, в метро, в театрах и в магазинах людей даже больше, чем было 10 лет назад. О вымирании он должен прочитать, увидеть статистику, что 700 тыс. или даже 1 млн человек в год «вымирает» (не умирает, а именно вымирает!), и только тогда это становится частью его представления, озабоченности и даже страдания. Именно после прочтения текстов специалистов по народонаселению журналист «АиФ» пишет статью о переписи населения под названием «Пересчитают, сколько нас осталось!» А осталось, оказывается, столько же, сколько было в 1989 г., если прибавить минимум 2–3 млн не посчитанных мигрантов и запершихся в загородных особняках.

Читатели не в жизни, а из газет, а газетчики, в свою очередь, от общественных активистов и специалистов по социальным проблемам узнали о том, что в стране

4–5 млн беспризорных детей – больше, чем в годы гражданской войны! Хотя проживающий в столице (7% населения страны) россиянин лично никак не может увидеть и малую часть – якобы сотен тысяч беспризорников. Их всего-то оказалось несколько тысяч на всю Москву! Но образ беспризорных детей России уже гуляет по стране и по миру. Под рубрикой «SOS» на третьей странице газеты «Московский комсомолец» (от 15 сентября 2000 г.) в статье «Каждый десятый беспризорник на земле родом из России» сообщалось: «По данным ЮНИСЕФ, всего в мире 100 миллионов брошенных детей. Примерно каждый десятый из них – из России. Похоже. Это единственное “достижение”, по которому мы все еще “впереди планеты всей”». Откуда идет весь этот бред, как не от «специалистов» и активистов детских фондов, собирающих деньги на свою деятельность? Посмотрели бы, сколько беспризорных детей на улицах Мехико или других городов не самых бедных стран.

Именно ученые определили в нашей стране «зоны бедности» и не перестают писать о них, называя первой из таких зон Северный Кавказ, прежде всего Ингушетию. Судят только по статистике Госкомстата и некоторым выборочным обследованиям, методика которых сложилась еще в советское время или же применяется совсем для других обществ. Создается фантом, который поддерживается политиками, чтобы выторговать федеральные трансферты в обмен на политическую лояльность и запугивание угрозами распада. Федеральный центр и российский налогоплательщик закачивают в зоны бедности огромные средства, а положение совсем не улучшается, с точки зрения занятости и стабильности.

По всем позициям многое в оценках положения в стране и сути происшедших перемен идет от ученых и специалистов, государственных органов, собирающих информацию, а также от экспертных общественных служб, которые замеряют реакцию опрашиваемых на вопросы и тиражируют через прессу эти ответы уже под названием «экономические и социальные перемены», т.е. выдавая их не за реальность восприятий, а за социологическую реальность.

Если задавать вопросы: «Как Вы относитесь к празднику 7 ноября, который был установлен в другую историческую эпоху?» (время конца феодальной смуты, видимо, считается нашей эпохой!), «Как Вы относитесь к людям, которые разбогатели в последние годы?» или «Как Вам в жизни удастся сводить концы с концами?», то ясно, какие можно получить ответы. Именно по этой причине я считаю, что *проблема адекватного понимания России становится первейшей научной задачей отечественного обществознания*. Коллегам-обществоведам мне хотелось бы предложить начать вместо глобальных дебатов «куда идем и чего строим?» более профессиональный разговор по конкретным проблемам. Этот разговор обязательно подхватят дотошные журналисты, к нему прислушаются политики.

Восприятие перемен

Глубокие и быстрые перемены в жизни общества, даже если они ведут к лучше-

му, воспринимаются многими, особенно старшим поколением, как нарушение привычного порядка вещей, а значит, чаще всего рассматриваются как негативные. Не лучше ведут себя и политики, ибо многие из них пребывают в оппозиции к тем, кто во власти занят переменами и развитием страны. Каждая новая пришедшая к власти команда не очень жаждет признавать заслуги предшественников, чтобы потом возвеличить собственные результаты.

По профессиональному долгу и призванию ученые-обществоведы подвергают анализу различные стороны происходящего в стране и в мире. Но часто они разобщены по узким дисциплинам, используют плохие фактические данные и устаревшие методы анализа, которые уже мало что отражают и которыми невозможно измерить новое общество. Скажем, что может сказать размер фиксируемой средней заработной платы о реальных доходах и жизни людей? В России полтора десятка лет скрытые экономика и зарплаты, дополнительные заработки, включая домашние ремесла и собирательство дикоросов, браконьерство и воровство, подношения и взятки, межродственный обмен услугами и денежными средствами намного перекрывают фиксируемую сумму доходов у большинства населения. Даже выборочные обследования домохозяйств не могут дать адекватную оценку уровня жизни. Здесь социологию полезно дополнить этнографическими наблюдениями, когда размеры жилья, реальная диета, меняемая валюта, проведение отпусков и т.д. скажут много больше о бедности и достатке.

Не стоит сбрасывать со счетов и неизбежную политизированность ученых. Они живут в том же идеологическом климате и также пребывают в сфере различных властных воздействий. Более того, ученые-обществоведы активно участвуют в политической борьбе, зачастую поставляя политикам и СМИ наиболее изощренные аргументы для самых противоположных оценок и предложений.

Тем не менее ситуация не столь безнадежна. На основе более профессионального анализа можно и нужно достичь нового консенсуса в понимании России. Иначе опасность разрыва между этнографией нашей жизни (повседневная реальность, заботы и устремления) и макроанализом, теоретической схоластикой, опросами мнения и публицистической риторикой будет только возрастать.

Уже сейчас этот разрыв достиг недопустимых размеров. В отечественных газетах и журналах о реальной жизни гораздо больше говорят не тексты, а рекламные публикации и объявления (это то, что реально покупают и потребляют в качестве товаров и услуг граждане, а иначе бы все это не рекламировалось!). Только из рекламы в СМИ, на дорогах и в метро можно узнать, что люди строят, ремонтируют, покупают, какими они пользуются услугами, где учатся и отдыхают, как между собой общаются и многое другое, что научная экспертиза и журналистика не замечают, отвергают и даже третируют. Если разделить эти два ряда – псевдоаналитический и рекламно-потребительский, то получатся две разных страны и две разных жизни. Такое не может продолжаться долго без разрушительных последствий.

Реальные улучшения

Повторяю, драма состоит в том, что *страна себя разрушает в тот самый момент, когда она переживает беспрецедентный в ее истории период глубоких позитивных перемен*. Не буду переубеждать тех, кто думает иначе. Напомню лишь о некоторых моментах в нашей жизни, обозначившихся в конце 2004 г. Объем потребляемых населением товаров и услуг, включая продукты и лекарства, превысил в несколько раз объемы предыдущих десятилетий.

Накануне праздника Нового года рынки, торговые центры и магазины примерно сотни крупных городов (это 2/3 населения страны) были полны покупателей, а дороги забиты автомобилями. Запрограммированные на кризис отечественные газеты и еженедельники писали об этом в духе: «пир во время чумы» или «катастрофа дорожного движения», а через страницу сообщали о таких же явлениях в других странах как о демонстрации предрождественского благополучия.

Число выехавших на зарубежные курорты россиян в 2004 г. превысило 10 млн человек (это на 35 млн семей), чего совсем не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые якобы находятся с Россией на одном уровне благосостояния.

В России сейчас 30 млн автомобилей, в отличие от Китая, где большинство населения продолжает ездить на велосипедах. В нашей стране произошла всеобщая автомобилизация – явление, которое всегда и везде рассматривалось как признак радикального улучшения жизни людей. Только в России почему-то разговоры исключительно о ДТП, «ракушках», пробках, шуме и угонах. В конце 2004 г. число пользователей мобильных телефонов составило 70 млн человек. Неужели это всё проигравшие от реформ?

За последние 10 лет построено жилья – муниципального, частного и второго загородного – больше, чем за три предыдущих десятилетия. В 2004 г. 33 человека из 100 делали в квартире ремонт. Число студентов в вузах выросло более чем в 2 раза, хотя численность населения сократилась. Напомню, в бедных странах у многих подростков нет возможности закончить среднюю школу, не говоря уже об учебе в вузе: например, в Мексике или Бразилии уровень среднего образования составляет 50–70%, а не 97%, как в России.

Наконец, в бедных странах коэффициент младенческой смертности (число умерших детей из 1000 рожденных и доживших до года) составляет не 14, как в России, а 40 и выше, как, например, в Китае, который почему-то любят чаще всего ставить в пример России. «Китай действительно созидает, а Россия, как всегда, строит руины», – сказал мне один коллега из Академии наук.

Негативное восприятие общей ситуации в стране, особенно результатов политической либерализации и рыночных реформ, способствовало формированию устойчивого образа рухнувшей, обобранной, отсталой, криминальной, а теперь еще и имперско-авторитарной, почти фашистской, России. Этот образ создается многочисленными конструкторами и потребителями парадигмы кризиса: помимо уже

названных есть частные потребители кризиса (от корпораций, региональных и местных властей до общественных объединений и частных лиц), которые используют его (не кризис, а образ кризиса!) для получения займов, трансфертов, грантов, социальной поддержки и эмоционального сострадания и даже для оправдания воровства и насилия («детей кормить нечем, вот и ловим осетра», – сказал мне волжский браконьер, владелец моторного катера стоимостью в несколько тысяч долларов).

Создателями и потребителями парадигмы кризиса являются преимущественно люди старших возрастов, ибо молодое поколение уже интегрировалось в новую жизнь и в целом преуспевает не в пример, скажем, моим ровесникам. Еще 20 лет тому назад в гардеробе МГУ висели однотипные драповые пальто и редко – кожаные дубленки. Сейчас – дорогая, удобная и разнообразная синтетика и натуральный мех. У здания не было ни одной принадлежащей студенту автомашины, а сейчас трудно найти место для парковки. И так не только в МГУ, но и в других вузах, и не только столичных.

По причинам эмоционально-психологического и идеолого-политического характера нынешние старшие «заедают век молодых». Они своими лекциями-наставлениями и публичными оценками искажают восприятие молодых россиян, которые о прошлых временах не знают, и многие из них склонны доверять ностальгии старших. Так, нацболы пошли бить чиновников, чтобы защищать пенсионеров от монетизации социальных льгот. «Дайте нам спокойно дожить и не уродуйте нашу жизнь», – говорил с экрана телевизора покойный актер Евгений Матвеев. Для нашей ситуации более адекватным было бы обратиться к одному из последних замечаний академика Д.С. Лихачева: «нужно больше прислушиваться и смотреть на молодых». Многие из старших хотели бы вернуться в прошлое, а детей и внуков оставить в нынешней жизни. Но так не бывает. *Общепризнанным должно быть правило, что улучшение жизни детей есть общее улучшение.*

Стратегия жалоб

Стратегия жалоб приносит скорые дивиденды, однако она разрушительна в более основательном плане и в перспективе. На уровне общества и отдельного человека создается комплекс психологической безысходности, который оказывает огромное отрицательное воздействие на людей, в том числе разрушая их здоровье. Стрессы и самоубийства происходят не от того, что невыносимо голодать или смотреть, как голодают другие (в России найти это фактически невозможно), а от невыносимости психологической индоктринации со стороны сытых и ухоженных телевизионных ведущих, которые только и говорят о «нашем тяжелом времени» и о «невыносимости так дальше жить».

Само явление бедности в стране (бедность есть во многих странах, а в Нью-Йорке в марте 2004 г. я не мог пройти и ста метров, чтобы не перешагнуть через спящих на асфальте обездоленных американцев) становится постоянным заголовком: «Бедная

Россия» (см., напр.: Аргументы и факты. 2004. № 39 и многие другие издания). Мифические, в том числе якобы подсчитанные Всемирным банком (конечно, на основе российской статистики), 40 млн россиян, живущих за чертой бедности, создают пугающий образ страны и провоцируют чувство социального реванша и возврата к временам, когда якобы жить было лучше.

Эти некомпетентные данные не учитывают многие скрытые и часто основные источники доходов наших граждан, в том числе и пенсионеров с низкой пенсией, которые по принятой классификации попали в категорию нищих. 9 из 10 близких или лично мне знакомых граждан (селян и горожан) из категории «ниже черты бедности» имеют дополнительные доходы (сдача жилья, репетиторство, вязание на продажу, сбор и продажа ягод и грибов, придорожная торговля урожаем с участка и огорода), которые превосходят размеры их пенсий, фиксируемых статистикой и используемой аналитиками, включая Всемирный банк. Эти мои знакомые совсем не бедные люди: они даже жертвуют часть денежных средств и труда, помогая детям и внукам, в том числе предоставляя свой бесплатный труд по уходу за внуками, особенно в летние месяцы.

Кто-нибудь учитывал эту российскую социально-культурную специфику, в том числе и огромную роль реципрокального (взаимовыгодного) социального обмена? Никто не считает и масштабные межродственные трансферты материальных средств и услуг, особенно такое новое явление, как помощь детей родителям.

Бедность и насилие

С подачи не очень грамотных аналитиков и местных политиков утверждается взгляд, что корни проблем на Северном Кавказе, включая терроризм, заключаются в низком уровне жизни населения и в депрессивности экономики региона. Н.М. Римашевская, Е.Ш. Гонтмахер и другие известные специалисты по социальным проблемам, включая местных специалистов, дружными усилиями создали образ бедного Северного Кавказа, от чего якобы проистекают нестабильность, криминалитет, миграция, сепаратизм и терроризм. В числе самых бедных числятся Ингушетия, затем Дагестан и другие республики. Это один из мифов нашей обществоведческой науки и статистики.

В тексте проекта рекомендаций думского заседания трех комитетов по Северному Кавказу от 30 сентября 2004 г. приводились цифры отставания валового регионального продукта Южного федерального округа на душу населения почти в 2 раза от среднероссийского, а среднемесячной заработной платы в 1,5 раза ниже среднероссийского. Основной диагноз – «низкое социально-экономическое развитие, невысокий жизненный уровень, трудности в получении образования в немалой степени являются причиной, порождающей терроризм и проявления экстремизма среди части населения». Аналогичные мнения высказывали наши высшие руководители и некоторые известные ученые. Позволю усомниться в этом диагнозе, а значит, и в реко-

мендуемой стратегии решения проблем Северного Кавказа.

Следует разделить два понятия: Южный федеральный округ, включающий Калмыкию, Ростовскую и Астраханскую области, и Северный Кавказ как историко-культурную область и как действительно проблемный регион, в который входят все северокавказские республики и небольшая часть Ставропольского и Краснодарского краев. Если пользоваться средней статистикой по округу, а затем вырабатывать программы для всего округа с размазыванием ресурсов по 22-миллионному населению, включая благополучные Ростовскую и Астраханскую области и Краснодарский край, тогда можно сказать точно, что до Северного Кавказа ничего не дойдет.

Признавая необходимость развития всех областей и краев нашей страны, включая регионы юга России, речь нужно вести прежде всего о территориях, где действительно существует сложная ситуация и где есть угрозы национальной безопасности России. В данном случае Северный Кавказ – это прежде всего семь республик, район кавказских минеральных вод Ставропольского края и Черноморское побережье Кубани. Географическим, историческим и гуманитарным центром этого региона является скорее Пятигорск с его развитой инфраструктурой, хорошими вузами и не зараженной национализмом гуманитарно-технической интеллигенцией, этнически смешанным населением, благоприятным человеческим и природным климатом. Вот туда и следует переехать полномочному представителю президента, для того чтобы решать проблемы Северного Кавказа, не будучи облепленным одной из местных бюрократий. Может быть, Ростов и есть метафорические «ворота Кавказа», но все-таки это не Северный Кавказ: историю и географию обмануть трудно.

Следует развести еще два понятия. Одно дело – недостаточный уровень развития и слабая занятость населения, что действительно есть и всегда было на Северном Кавказе с его скромными природными ресурсами и трудоизбыточным населением. Другое дело – бедность, которой на Северном Кавказе несколько не больше, чем в большинстве остальных регионов страны, и уж, конечно, меньше, чем в центральных российских областях и в южносибирских автономиях (Тува, Алтай, Хакасия). Экспертам по Северному Кавказу следует оценивать уровень и условия жизни не по данным Госкомстата, которые не отражают доходы населения от «серой экономики», индивидуального предпринимательства, отхожих заработков, изъятия природных ресурсов путем браконьерства и воровства. Доля этой части доходов в северокавказских республиках выше, чем во многих других регионах. Достаточно привести пример с выловом осетровых рыб и добычей черной икры в Дагестане, которые никакой статистикой не фиксируются.

Такова ситуация в России. Судить о том, бедно или небедно живет население, только по средним заработным платам или по «бюджетной обеспеченности», невозможно. Необходимо учитывать такие показатели, как размеры и качество жилья, владение автомобилями, объемы меняемых иностранных валют, состояние здоровья, число студентов вузов и некоторые другие, которые лучше говорят о том, как реально живут люди. И тогда получится, что Северный Кавказ не есть «зона бед-

ности». Несмотря на слабую экономику, политическую нестабильность и отсутствие инвестиций, его население умеет обустроить жизнь своим трудом и предприимчивостью, включая внеправовую деятельность. Несмотря на наличие бедных горных селений в Дагестане или в Карачаево-Черкесии, большинство сел этих в республиках, а тем более – в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Адыгее, Ингушетии, могут служить примером для других сельских регионов России.

Если же брать показатели здоровья, то население северокавказских республик находится на одном из первых мест, а Ингушетия – на первом месте среди всех субъектов Российской Федерации. В «зонах бедности» такого не может быть по определению. Так же, как не может бедное население посылать большинство выпускников средних школ обучаться в вузы, как это имеет место на Северном Кавказе, где особенно среди нерусского населения престиж высшего образования остается очень высоким.

Перепись населения 2002 г. выявила данные о жилищных условиях, которые тоже говорят в пользу северокавказского региона: средние размеры жилья на человека в регионе заметно выше, чем в России в целом; вторая квартира есть у 3,5% россиян, в Москве таких – 5,3%, на Северном Кавказе – 6,2%.

Но самое главное в оценке ситуации в контексте противодействия терроризму и обеспечения безопасности *это ошибочное мнение, что именно бедность порождает терроризм*. Страна басков в Испании и Северная Ирландия в Великобритании не являются бедными регионами в этих странах, но терроризм там есть. Да и население арабских стран далеко не самое бедное, по мировым стандартам: Индия и Китай, не говоря о странах Африки, живут гораздо беднее. Более того, если опухоль терроризма разрастается на теле сравнительно благополучно живущего населения, то у терроризма появляется больше ресурсов, позволяющих использовать более дорогостоящие средства террора. Говорю это не для того, чтобы отрицать важность социального благополучия людей для предотвращения терроризма, а для того, чтобы не строить иллюзий, что именно здесь заложено решение столь сложной проблемы.

Что же касается причин терроризма, то отсутствие вознаграждающего мирного занятия для мужчины или обеспеченной полной семьи для женщины, конечно, могут служить толчком к тому, чтобы встать на путь террора. Но все же гораздо более значимыми являются факторы идеологической индоктринации на основе фундаменталистских догматов, а также эмоционально-психологические мотивы мести и реванша, рекрутирование людей в закрытые террористические сообщества, где нет цены жизни и террор становится единственным занятием. В этой ситуации не только социально-экономическое развитие, но и подчинение правопорядку принесут мир и стабильность в конфликтные регионы России.